

УДК 81'373.47

UDC 81'373.47

**ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО ОБРАЗНОЙ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ
М. ЦВЕТАЕВОЙ****EPITHET AS A MEANS OF FIGURATIVE
EXPRESSION IN THE POETRY
BY M. TSVETAEVA**

Е. В. Кожемяченко,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и лингводидактики Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Ye. Kozhemyachenko,
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Linguodidactics,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank

Поступила в редакцию 13.01.23.

Received on 13.01.23.

Статья посвящена изучению коммуникативной эффективности различных знаков языка, в том числе эпитета, как средства образной выразительности в поэзии М. Цветаевой. В ней рассматривается проблема способов выражения образного определения в поэтических текстах, описывается функционирование языковых средств, выступающих в качестве эпитета в лирике М. И. Цветаевой, выявляются важнейшие способы семантико-экспрессивной и коммуникативно-эстетической актуализации слова как художественного определения; показано участие эпитета в вербализации базовых для поэтического творчества значений. Особое внимание уделяется метафорическому эпитету, который является одним из основных средств репрезентации наших представлений о мире в образной форме, а богатый ассоциативный потенциал поэтического текста способствует появлению образных определений.

Ключевые слова: поэтический текст; коннотация; эпитет; метафорический эпитет; метафорическое значение; лексические связи; лексические единицы; семантика; ассоциация; окказиональные значения; экспрессивность.

The article is devoted to studying communicative effectiveness of different language signs including epithet as a means of figurative expressiveness in poetry by M. Tsvetaeva. It considers the problem of ways of expressing the figurative definition in poetic texts, describes functioning of language means serving as epithets in M. Tsvetaeva's lyrics, reveals the most important means of semantic-expressive and communicative-aesthetical actualization of word as an artistic definition, shows the participation of epithet in verbalization of the meanings which are basic for poetical creativity. Special attention is paid to metaphoric epithet which is one of the main means of representation of our world views in figurative form, and rich associative potential of poetic text contributes to appearance of figurative definitions.

Keywords: poetic texts; connotation; epithet; metaphoric epithet; metaphoric meaning; lexical connections; lexical units; semantic; association; occasional meanings; expressiveness.

Поэзия М. Цветаевой представляет собой богатый материал для лингвистического изучения, так как, по выражению О. Г. Ревзиной, поэт «никогда не удовлетворяется тем, что достигнуто в нормативном языке и докапывается до сути, до глубинных возможностей буквально любого языкового явления» [1, с. 40]. Яркость и необычность метафор, меткость и выразительность эпитета, разнообразие и гибкость интонации, богатство ритмики – таков самобытный почерк М. Цветаевой.

Цель статьи – изучение и выявление структурных типов эпитетов, участвующих в формировании образной выразительности поэтических текстов М. Цветаевой.

Методологическую основу работы составили исследовательские принципы И. В. Арнольд, Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. А. Потební, Л. В. Щербы, И. П. Гальперина и др.

Несмотря на исследовательский интерес к изучению особенностей образного определения в лирике М. Цветаевой (Л. В. Зубова, Н. Н. Вольская, С. И. Львова, Н. Е. Цветкова и др.), эпитет во всем его многообразии остается не до конца изученным в коммуникативно-деятельностном, коннотативном и системном аспектах.

Для решения поставленной цели использован комплекс взаимодополняющих научных методов, адекватных предмету исследования: лингвистическое наблюдение, метод компонентного анализа структуры значения лексемы, контекстологический метод, семантико-стилистический метод описания языка, когнитивный метод анализа художественного текста.

Материалом исследования послужили поэтические тексты академических собраний сочинений М. Цветаевой [2].

Одним из традиционных средств создания образно-поэтического представления окружающей действительности является эпитет, который, в силу своей категориальной семантики, способен передавать субъективно-характеризующее, эмоционально-оценочное отношение к изображаемым предметам и явлениям. «Эпитет отличается от обычного определения переносным характером слова, которое его выражает, и наличием в нем эмоциональных, экспрессивных и др. коннотаций», – утверждает И. В. Арнольд [3, с. 89]. Эпитеты передают эмоции, чувства, переживания, настроения, выражают оценку предмета и явления, выполняют оценочную функцию, употребляются

при формировании вторичных номинаций или коннотаций. Одна из главных функций эпитета – создание образности, необычности, непохожести.

Образ, запечатленный в коннотации, может определять направление восприятия, обозначать смысл всего стихотворения, текста. Если сравнивать значение слова с айсбергом, плывущим в океане текста, то можно сказать, что в толковых словарях представлена лишь вершина айсберга, а его подводная часть может быть познана только при функционировании слова в тексте, где оно приобретает и историческую «память», и культурный ореол, и социальные смыслы, и различные коннотации. Наличие различного рода субъективных ассоциаций, дополнительных эмоционально-экспрессивных и семантико-стилистических коннотаций, смысловых приращений и трансформаций определяет специфику функционирования слова в поэтическом тексте, благодаря чему становится возможной репрезентация тончайших оттенков мыслей, чувств и авторских интенций, доступных далеко не каждому.

Образное определение-эпитет функционирует в различных коммуникативных сферах и представляет собой результат познавательной деятельности человека, благодаря которой реалья получает свою характеристику и оценку, отражая при этом аксиологические приоритеты личности. В системе эстетической коммуникации, которая предполагает несколько иной эмоционально-психологический контакт между коммуникантами, в наибольшей степени индивидуализированными, определение приобретает еще большую значимость: наличие в концепте признака различных эмоционально-оценочных коннотаций позволяет определению, выступающему в роли эпитета, выражать субъективное отношение к предметам и явлениям окружающей действительности. Стремление показать мир неожиданно, со стороны познающего субъекта, приводит к появлению индивидуально-авторских, редких эпитетов, которые способны вызывать новые ассоциации, выполняя при этом субъективно-характеризующую функцию (частное – единичное).

Семантические и синтагматические связи эпитета предопределяются его значением, однако размытость лексического значения, потенциальная многозначность слов обуславливают наличие в семантической структуре определения имплицитных ассоциативных сем. Круг семантических ассоциаций шире у качественных и относительных прилагательных, которые в условиях контекста могут приобретать качественное коннотативное значение.

Рассмотрим случаи употребления эпитетов с разными окказиональными значениями в произведениях Марины Цветаевой: *конный сон, соловьиный стон, голосовая верста, пепельная груда, старые розы, ладанное облако, лучная вонь, изпод ресничного взлету, адский угол, звонкий говорок, звонкие пустые ступени* и др.: *Где звонкий говорок бассейна, / В цветочной чаше откровенье, / Где перед робостью весенней / Старинное*

благоговенье... («Старинное благоговенье»); *Послушная зашелестит амазонка / По звонким, пустым ступеням / расставанья* («Разлука»); *Державная пахить, / Надежная, рваная тишь / Мне сторож покажет, / В какой колыбели лежишь...* («Стихи к Блоку»).

В первом отрывке Марина Цветаева воспевае старые времена, пору своей юности, влюбленности. Образное определение *звонкий говорок* употребляется в значении мелодичный, завораживающий своим звучанием, звучащий как ручей. Во втором контексте говорится о разлуке. Не в силах вынести расставание с любимыми ей людьми, поэт мечтает упасть с высоты, рвануться в беспредельную высь, прочь от земного мира. Это расставание ассоциируется с *звонкими, пустыми ступенями*. В однородный ряд поставлены прилагательные, словарные значения которых не сочетаются, но связаны ассоциативно: пустые емкости при ударе по ним звенят в отличие от заполненных. Но этот звон не веселый, мелодичный, а пустой. Это дорога, лестница в никуда. Такие одинаковые, на первый взгляд, прилагательные *звонкий* в условиях разной сочетаемости приобретают разные коннотативные значения: в сопоставлении с *звонким говорком бассейна* – радостным, веселым – *звонкие пустые ступени* передают прямо противоположный смысл – горечь одиночества.

Используя образное определение *надежная, рваная тишь*, поэт говорит о А. Блоке, обращаясь к нему из далекой Москвы. Марина Цветаева с грустью рассказывает о смерти поэта, вспоминая могилу А. Блока. Поэт передает атмосферу, царящую на кладбище: *надежная тишина* – постоянная, лишь изредка нарушаемая – *рваная* – голосами людей или пением птиц. Эти словосочетания позволяют ощутить, почувствовать, окупаться в эту тишину.

Страстность поэтического языка М. Цветаевой выражается в различных способах экспликации интензивного проявления признака: узуальные и окказиональные формы превосходной степени, приставка *наи-*, формы сравнительной степени в значении высшего проявления качества. Сравните: *желаннейшая кровь, море седее, сверхбессмысленнейшее слово, сверхъестественнейшая дичь, наимедленнейшая кровь, найявственнейшая тишь, невидимейшая даль, нейслыхайнейшая молвь: Во времена евангельские / Была б одной из тех... // (Чужая кровь – желаннейшая / И чуждейшая из всех!) («Магдалина»); Из всех страстей – / Страстнейшая, из всех смертей – / Нежнейшая? Из двух горстей / Моих – прельстись! – испей! («Бессонница! Друг...»); Небо – синей знамени! // Пальмы – пучки пламени! // Море – полней вымени! // ... Горы – редей темени. // Море – седей времени. Июль («Небо – синей знамени!»); На заре – наимедленнейшая кровь, / На заре – найявственнейшая тишь. // Дух от плоти косной берет развод / Птица клетке костной дает развод / Око зрит – невидимейшую*

даль, / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь («На заре»). Качественная характеристика некоторых эпитетов указывает на высшую степень проявления этого признака, происходит усиление явления: море – *полней вымени* (не просто полное, а очень переполнено), небо – *синей знамени* (не просто синее, а очень синее). Эпитеты *наимедленнейшая кровь* и *найявственнейшая тишь* ассоциируют противоречивый процесс «усыпления» плоти, внешних органов чувств. «Дух плоти косной берет развод», происходит высвобождение духа: *Око зрит – невидимейшую даль, / Сердце зрит – невидимейшую связь... / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь...* Употребление эпитетов в превосходной степени позволяет автору подчеркнуть необычность описываемого явления: это состояние реализации глубинных потенциальных предельных возможностей человека, которые могут достичь запредельных высот. Этой задаче служит и употребление оксюморона: *око зрит... невидимейшую, ухо пьет неслыханнейшую*. Экспрессивный компонент коннотации в поэзии Марины Цветаевой проявляется на глубинном уровне ее поэтического мироощущения, поэт восхищается красотой окружающего мира, которую человек не всегда замечает.

В целях создания неповторимого образа или конкретизации ситуации Марина Цветаева часто использует цепочечный эпитетный ряд, состоящий из трех, четырех и более компонентов: *пронзительной, незримой изгородью; ночи душные, скушные; холмам круглым и смуглым; голубь голый и светлый; зеленые, соленые, крестьянские глаза; на груди нежной, пустой, горячий; темный, прямой и взыскательный взгляд; сугроб теремной, боярский, столбовой, дворянский; суровая, детская, смертная важность: Привычные к степям – глаза, / Привычные к слезам – глаз, / Зеленые – соленые – Крестьянские глаза!...* («Глаза»); *Сугроб теремной, боярский, // Столбовой, дворянский, // Белокаменный, приютский, // Для сестры, для братца* («А сугробы подаются...»). В первом отрывке ключевое слово *глаза* ассоциируется с молодостью, юностью, но в то же время с трудностями, испытаниями и страданиями, которые выпадают на долю героини и самой М. Цветаевой. Сугроб ассоциируется с домом, в котором живут люди разных сословий (бояре – теремной, боярский; дворяне – столбовой, дворянский). У данного жилья прочная защита – казенный дом (белокаменный, приютский).

Для поэзии Марины Цветаевой характерно употребление сложных (чаще индивидуально-авторских) эпитетов, которые наполнены особой экспрессивно-оценочной коннотацией. Данные эпитеты чаще всего относятся к конкретным существительным и обозначают цвет, форму, размер лица человека, цвет и другие признаки различных предметов: *беззвучно-звонящей ночи; мучительно-великолепные брови; глаза прекрасно-бесплозные; высокородный стих; голова светловолосая; взор печально-братский; церкви златого-*

ловые; взлет седобородый и т. д.: Выпростает из гробовых пелен – / Взлет седобородый: / Есмь! – Переселенье! – Легион! // Целые народы («Та, что без видения спала...»); Почему мои речи резки / В вечном дыме моей папирасы, – / Сколько темной и грозной тоски / В голове моей светловолосой («Вы, идущие мимо меня»); Безмолвен рот его, углами вниз, / Мучительно-великолепны брови. // В его лице трагически слились / Две древних крови («С.э.»); Бессонница! Друг мой! // Опять твою руку / С протянутым кубком / Встречаю в беззвучно- / Звонящей ночи («Бессонница»). Приведенные примеры дают основание утверждать, что сложные эпитеты служат для создания портрета, внешних черт лирического героя, наполняя образ особой экспрессией.

Наиболее богатыми по содержанию являются метафорические эпитеты, которые рассматриваются прежде всего как явление собственно семантическое, как особый тип производно-номинативного значения, содержащего в себе оценку явлений действительности и характеризующегося семантической двуплановостью, как основа для различных коннотаций. Взаимодействие основного и производного значений видоизменяет и осложняет функцию слова. Сравните: *постель из снега – снежная постель; дом из лопухов и ромашек – лопушиный, ромашный дом; ручьи из чернила – чернильные ручьи; лебедь из снега – снежный лебедь: Лопушиный, ромашный / Дом – так мало домашний! / С тем особенным взглядом / Душ – тяжелого весу. // Дом, что так к городу – задом / Встал, а передом – к лесу («Дом»).* В данном отрывке Марина Цветаева использует эпитеты *лопушиный, ромашный дом* – это не дом среди растений и цветов, а каштан под окном, который являлся символом убежища и защиты от жизни. Дом ассоциируется с мечтой о защищенном, изолированном от тягот и невзгод окружающего мира месте, служит одновременно защитой от жестокой реальности и надежным оплотом эфемерности поэтического вымысла. Таким образом, контекст усиливает положительную окраску данного образа. Под эпитетом *снежный лебедь* скрывается А. Блок: *Снежный лебедь / Мне под ноги перья стелет. // Перья реют / И медленно никнут в снег («Стихи к Блоку»).* Для М. Цветаевой он не реально существующий поэт, а бесплотный призрак, созданный романтически взвихренным воображением. Данный эпитет ассоциируется с понятиями вечность, жизнь в бессмертии.

Многие метафорические эпитеты удачно используются поэтом для образного, рельефного воспроизведения окружающей действительности. Они конкретизируют картины внешнего мира, различные зрительные, слуховые восприятия, заставляя читателя точнее увидеть описываемое явление: *Роскошью майской / Кто-то разгневан. // Остерегайся / Зоркого неба!* («Разлука»). Под *зорким небом* подразумеваются звезды, которые обладают острым зрением, которые все видят, что происходит на Земле. От них М. Цветаевой не скрыться,

поэтому она предостерегает и читателей, чтобы те могли избежать встречи с данным явлением природы.

В отрывке из стихотворения «Георгий» эпитет *львиный ветер* контаминирует в себе черты животного, а именно льва: *Львиные ветры / И глыбы соборные! // Великолепного / Славьте – Георгия!* Ветер рождает ассоциации, связанные с чем-то сильным, властным, издающим звуки, подобно львам. Читая эти строки, убеждаешься, что именно метафорический перенос так удивительно точно характеризует явления природы, картины внешнего мира. Благодаря метафорическому переносу *ветер, небо* представляются нам живыми существами.

Метафорические эпитеты у М. Цветаевой, как правило, непосредственно связаны и опираются на основные, прямые значения слов, принадлежащие к разряду конкретно-предметной лексики. Развитие метафорических значений эпитетов при сочетании их с конкретными существительными обусловлено изменением лексических связей в пределах одной и той же семантической категории – категории неодушевленности. Но в данном случае результатом отнесенности существительных к иным семантическим группам, чем при реализации прямого значения. Иными словами, реализации метафорического значения способствует семантическая двуплановость слова. Стилистический эффект создается за счет столкновения в одном контексте прямого и переносного значений. Сравните: *седые волосы – седые деревья; шахматная доска – шахматное поле; подсолнечная ширь – подсолнечное масло; свежий хлеб – свежий ветер: По набережным, где седые деревья / По следу Офелий... / Она ожерелья / Сняла, – не наряженной же умирать! // Но все же / Раз смертного ложа – неможней / Нам быть нежеланной!..* («По набережной»); *Туман еще щадит, / Еще в холсты запахнутый / Спит ломовой гранит, / Полей не видно шахматных* («Рассвет на рельсах»). В первом отрывке *седые деревья* коннотируют признаки, обращенные к далекому прошлому, к чему-то древнему, несмотря на прямое значение: *седой – «белый, серебристый, примесь серовато-белой шерсти»*. Эпитет *шахматное поле* употреблен в значении «рельсы железной дороги», «перерезанные» шпалами.

Метафорические значения эпитетов при сочетании их с конкретными существительными развивают метафорическое значение вследствие изменения лексических связей, выходящих за пределы одной и той же семантической категории:

а) прямое значение прилагательного реализуется при сочетании с существительными одушевленными, метафорическое – с существительными неодушевленными: *ревнивый ветер – ревнивые ресницы – ревнивый человек; голая дружба – голый человек; звериный крик – звериная печаль: Ревнивый ветер треплет шаль, / Мне этот час сужден от века. // Я чувствую у рта и в веках – / Почти*

звериную печаль... («Кармен»); *И, умиляясь на биенье век / И на ревнивые твои ресницы, / Скажу тебе, что я – не человек, / А только сон, который только снится...* («Соперница»);

б) прямое значение слова реализуется в сочетании с неодушевленными существительными, а метафорическое – с одушевленными: *крылатая женщина – крылатая ракета; народ твердый – металл твердый: И ветер гасит огоньки... // И дышит: душу не губи! // Крылатых женщин не люби!..* («И другу на руку легло»); *Процветай, народ, – / Твердый, как скрижаль, / Жаркий, как гранат, / Чистый, как хрусталь...* («Стихи о Чехии»).

Развитие метафорического значения прилагательных *высокий, нежный, гордый, чуткий* и др. при сочетании с абстрактными существительными происходит по пути изменения лексических связей, выходящих за пределы семантической категории конкретности, что приводит к появлению необычных значений: *высокая разлука – высокий час – высокие облака – высокая жизнь; дружба гордая – гордый человек: Высокий час, когда, сложив оружие / К ногам указанного нам – Перстом, / Мы пурпур воина на мех верблюжий / Сменяем на песке морском* («Ученик»); *Я вижу тебя черноокой, – / разлука! / Высокой, – разлука! – Одинокой, – / разлука!..* («Я вижу тебя...»); *Птица – Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою! / Высоко горю – и горю дотла! / И да будет вам ночь – светла!* («Что другим не нужно»). Эпитеты *высокий час* и *высокая разлука* приобретают коннотативное значение «возвышенный, важный, торжественный».

Таким образом, метафорический эпитет занимает немаловажное место среди цветаевских эпитетов. Благодаря им и другим образным средствам поэту удается создать великолепные картины. В поэзии М. Цветаевой эпитеты и метафоры живут единой и зависимой друг от друга жизнью, дополняя и украшая текст. Л. Озеров писал: «Если метафора показывает силу воображения писателя или поэта, богатство его ассоциативных рядов, роскошество его образов, то эпитет обнажает глубину его мысли, пылливость его натуры, пристальность его взгляда» [4, с. 163].

Ненужность, нежелательность бытия покинутой женщины выражена эпитетами с семантикой отрицательной коннотации: *Детобийцей на суде / Стою – немилая, несмелая...* («Милый друг, ушедший дальше, чем за море»). Ее мучения – это скупые брошенные на лист бумаги чувства, выраженные глаголами-синонимами *терпеть и бедствовать*; ее ощущения эксплицированы инверсионным эпитетом *степь заледенелая (Жить приучил в самом огне – / Сам бросил – в степь заледенелую!)*. Все это рисует символическую картину жизни, с одной стороны, наполненную любовью, а с другой – лишенной ее. Таким образом, устанавливается взаимообратная мотивация значений – прямого и образного.

Марина Цветаева умеет найти точные, индивидуально-яркие и глубокие по своей необычности

эпитеты: *вместе бродили по последней Москве. // Она – героиня, но героиня впустую; Ледяной костер – огневой фонтан! // Высоко несут свой высокий стан, / высоко несут свой высокий сан – / Собеседницы и Наследницы!* («Что другим не нужно»). Ассоциации, возникающие при восприятии цветаевского эпитета, многочисленны, разнообразны, но расплывчаты. Данные эпитеты строятся на основе оксюморона, который наполняет новым содержанием самое обычное образное определение.

Смысловое богатство слова, развитие поэтической мысли, непредсказуемость фонетического облика слова, необычность его грамматических возможностей как результат поэтического видения окружающего мира – все это создает условия для множественности интерпретаций стихотворений Марины Цветаевой. Наличие различного рода субъективных ассоциаций, дополнительных эмоционально-экспрессивных и семантико-стилистических коннотаций определяет специфику функционирования слова в поэтическом тексте, благодаря чему становится возможной репрезентация оттенков мыслей, чувств и авторских интенций.

Эпитеты являются отправной точкой, в которой пересекаются реальное и ирреальное, объективное и субъективное, общее и индивидуальное представление о мире. Образное определение не просто характеризует и оценивает предмет,

но и передает субъективное отношение к нему, отражает при этом аксиологические приоритеты личности. Метафорический эпитет является, пожалуй, одним из основных средств репрезентации наших представлений о мире в образной форме, а богатый ассоциативный потенциал поэтического текста способствует появлению необычных, неожиданных в семантико-синтагматическом плане образных определений.

Образные определения актуализируют авторские ассоциации и эксплицирует оценочные представления, отображающие особенности мировидения поэта и выявляющие его языковую личность. Появление индивидуально-авторских новообразований, в частности окказиональных эпитетов, – следствие нарушения словообразовательной сочетаемости, а также результат обновления внешней формы узуального определения или создания новой единицы для выражения авторского замысла. Наряду с языковой мотивированностью в образовании индивидуально-авторских эпитетов участвует контекст, в частности вертикальный, когда поэт как бы разбрасывает по текстам «ключи» к своим эпитетам. Метафорический эпитет является одним из основных средств репрезентации наших представлений о мире в образной форме, а богатый ассоциативный потенциал поэтического текста способствует появлению образных определений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ревзина, О. Г. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей / О. Г. Ревзина. – М.: Просвещение, 1995. – 60 с.
2. Цветаева, М. И. Избранные произведения / М. И. Цветаева. – М.; Л.: Совет писателей, 1965. – 812 с.
3. Арнольд, И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения / И. В. Арнольд // Герценовские чтения, XXII. Иностранные языки: Материалы межвуз. конф.: Крат. содерж. докл. / Ленингр. гос. пед. ин-т; Отв. ред. Б. А. Ильиш. – Л., 1970. – С. 87–90.
4. Озеров, Л. Ода эпитету / Л. Озеров // Вопросы литературы. – 1974. – № 4. – С. 163.

REFERENCES

1. Revzina, O. G. Ocherki istorii yazyka russkoj poezii XX veka: Opyty opisaniya idiosstilej / O. G. Revzina. – M.: Prosveshchenie, 1995. – 60 s.
2. Cvetaeva, M. I. Izbrannyye proizvedeniya / M. I. Cvetaeva. – M.; L.: Sovet. pisatel', 1965. – 812 s.
3. Arnol'd, I. V. Emocional'nyj, ekspressivnyj, ocenochnyj i funkcional'no-stilisticheskij komponenty leksicheskogo znacheniya / I. V. Arnol'd // Gercenovskie chteniya, HHII. Inostrannyye yazyki: Materialy mezhvuz. konf.: Krat. sodерж. dokl. / Leningr. gos. ped. in-t; Otv. red. B. A. Il'ish. – L., 1970. – S. 87–90.
4. Ozerov, L. Oda epitetu / L. Ozerov // Voprosy literatury. – 1974. – № 4. – S. 163.